

ДЕЙСТВИЯ ВЛАСТИ В ПЕТРОГРАДЕ 23 – 28 ФЕВРАЛЯ 1917 г.: НЕКОТОРЫЕ УРОКИ

Андрей Геннадьевич Данилов

Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Ростов-на-Дону, Россия, agd7@mail.ru

Аннотация. В статье автор ищет ответы на три вопроса. После начала волнений в Петрограде 23 февраля 1917 г. падение монархии было неизбежным, или царь мог сохранить свой престол? Если у Николая II были шансы остаться на троне после 23 февраля, какие конкретно действия власти или бездействие в каких вопросах в эти дни привели к краху самодержавия? Существуют ли признаки, которые позволяют обществу и власти вовремя заметить начавшийся процесс трансформации стабильного состояния в неустойчивую ситуацию? Географические рамки темы – анализ ошибок власти только в Петрограде. Для решения поставленных задач в статье проанализированы социально-экономическое положение в Петрограде и Москве в январе – феврале 1917 г., настроения в столице, степень подготовленности правительства и военных действовать в кризисной ситуации, конкретные просчеты, ошибки правительства и военных в столице в период революции.

Ключевые слова: император Николай II, Февральская революция 1917 г., председатель Совета министров Н. Д. Голицын, министр внутренних дел А. Д. Протопопов, военный министр М. А. Беляев, командующий войсками Петроградского военного округа С. С. Хабалов, градоначальник Петрограда А. П. Балк, начальник Петроградского охранного отделения К. И. Глобачев, Государственная дума, Петроградский гарнизон

Для цитирования: Данилов А. Г. Действия власти в Петрограде 23 – 28 февраля 1917 г.: некоторые уроки // Северо-Кавказский юридический вестник. 2021. № 3. С. 36–58. <https://doi.org/10.22394/2074-7306-2021-1-3-36-58>.

Problems of the Theory and History of Law and State

Original article

ACTIONS OF THE AUTHORITIES IN PETROGRAD OF FEBRUARY 23 – 28, 1917: SOME LESSONS

Andrey G. Danilov

South-Russia Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Rostov-on-Don, Russia, agd7@mail.ru

Abstract. In this article, the author is looking for answers to three questions. After the outbreak of unrest in Petrograd on February 23th, 1917, the fall of the monarchy was inevitable, or could the tsar retain his throne? If Nicholas II had chances to remain on the throne after February 23th, what specific actions (steps) or inactivity on some issues during these days led to the collapse of the autocracy? Are there signs that allow society and the authorities to notice in time the process of transforming a stable state into an unstable situation? The analysis of mistakes made by the authorities only in Petrograd has become the geographical scope of the topic. To solve the set tasks, the article analyzes the socio-economic

situation in Petrograd and Moscow in January-February 1917, the mood in the capital, the degree of preparedness of the government and the military to act in a crisis situation, specific blunders, mistakes of the government and the military in the capital during the revolution.

Keywords: Emperor Nicholas II, February Revolution of 1917, Chairman of the Council of Ministers N. D. Golitsyn, Minister of Internal Affairs A. D. Protopopov, Minister of War M. A. Belyaev, Commander of the Petrograd Military District S. S. Khabalov, the mayor of Petrograd A. P. Balk, head of the Petrograd security department K. I. Globachev, State Duma, Petrograd garrison

For citation: Danilov A. G. Actions of the Authorities in Petrograd of February 23 – 28, 1917: some lessons. *North Caucasus Legal Vestnik*. 2021;(3):36–58. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2021-1-3-36-58>.

Актуальность данного исследования определяется рядом факторов.

Во-первых, один из важных не только в теоретическом, но и в практическом плане вопрос: исторический процесс заранее предопределен или многовариантен? Например, падение монархии в России в феврале – марте 1917 г., приход к власти партии большевиков в октябре 1917 г., победа И.В. Сталина в борьбе за власть или распад СССР были заранее предопределены или история могла пойти по другому пути? Если история запрограммирована, если то или иное событие могло произойти только так, как произошло – то какой урок вытекает из этого знания? Напротив, если не исключать того, что в прошлом могли реализоваться иные сценарии, «тогда история предстает не как цепь фатально предопределенных событий, которые можно лишь констатировать, а как совокупность причинно-следственных процессов, которые при иных условиях вполне могли быть тоже иными. Главный урок истории в данном случае заключается в том, чтобы не допустить возникновения причин, ведущих к негативным следствиям. Напротив, обратить сугубое внимание на причины, порождающие следствия позитивные» [1, с. 112]. Если признать, что исторический процесс многовариантен и имеет свои «развилки», то задача исследователей не просто реконструировать ход событий, а ответить на вопрос, почему на очередном «перекрестке» истории реализовалась та или иная альтернатива?

Во-вторых, при изучении революций и государственных переворотов, как правило, изучают действия победителей. В научном и практическом плане не менее важен анализ действий «проигравшей» стороны: все ли было сделано, чтобы сохранить свою власть? Нередко в истории к смене политических режимов приводят не только успешные активные действия народных масс, политических партий, общественных организаций, конкретных вождей, но и просчеты в деятельности существующей власти.

В-третьих, в XX веке Россия и СССР несколько раз переживали системный кризис (одновременный кризис в разных сферах жизни общества): накануне и в феврале 1917 г., летом – осенью 1917 г., на рубеже 80-х – начале 90-х годов XX в. Как показывает анализ перечисленных сюжетов, каждый раз власть в разных «декорациях» (исторических условиях) совершала одни и те же системные управленческие ошибки, которые не позволяли вывести страну из кризиса, приводили к падению существующего политического режима и распаду страны.

В-четвертых, все современники событий в 1917 г. и последующие исследователи отмечают стремительную скорость нарастания событий. 22 февраля по дороге из Петрограда в Могилев Николай II запишет в своем дневнике всем хорошо известные сегодня слова: «Читал, скучал и отдыхал» [2, Т. I, с. 163]. Ему осталось занимать престол всего 8 дней. 23 февраля 1917 г. начались народные выступления,

а уже на 5-й день, 27 февраля революция в Петрограде победила. Быстрая смена политических режимов часто встречается в мировой истории. Возникает вопрос: существуют ли признаки (индикаторы), которые позволяют обществу и власти вовремя заметить начавшийся процесс трансформации стабильного состояния в неустойчивую ситуацию.

Цель статьи – дать ответы на три вопроса.

Первый. После начала волнений в Петрограде 23 февраля падение монархии было неизбежным, или царь мог сохранить свой престол?

Второй. Если у Николая II были шансы остаться на троне после 23 февраля, какие конкретно действия (шаги) власти или бездействие в каких вопросах в дни с 23 февраля по 2 марта 1917 г., привели к краху самодержавия?

Третий. Каковы признаки, позволяющие власти и обществу вовремя заметить начавшийся процесс трансформации состояния равновесия в состояние неустойчивости и непредсказуемости процесса.

Географические рамки темы. Ошибки были допущены как министрами и военными в Петрограде, так и императором Николаем II в Ставке (Могилев) и в Пскове. В данной статье будут проанализированы действия властей в дни Февральской революции только в Петрограде. Действия царя в эти дни – отдельная тема, хотя оба вопроса тесно взаимосвязаны.

Источниковую базу работы составляют дневники императора Николая II, его переписка с императрицей Александрой Федоровной, протоколы допросов активных участников событий в Петрограде в феврале – марте 1917 г. – министров, военных, жандармов, политиков – следователями Чрезвычайной следственной комиссии, созданной Временным правительством в марте 1917 г., воспоминания участников и современников событий. Анализ документов позволяет реконструировать ход событий в Петрограде, взглянуть на события глазами самих участников, раскрыть механизмы принятия решений различными властными структурами и политическими силами.

Советские, эмигрантские, российские и зарубежные исследователи проделали большую работу по изучению различных сюжетов из истории Февральской революции. Но проблема ошибок власти в дни революции не была предметом специального изучения. Автор ставит задачу – систематизировать управленческие просчеты в изучаемый период.

Понять характер событий и их итог невозможно без осознания ситуации в стране, в столицах и прежде всего в Петрограде в начале 1917 г. Не останавливаясь на них подробно, отметим два важных момента. Во-первых, в истории России и до февраля 1917 г., и после исход борьбы за власть за редким исключением решался в столицах. Провинция не имела механизмов повлиять на этот процесс. Во-вторых, с осени 1916 г. возможности России победить в мировой войне определялись не действиями войск на фронте, а ситуацией в Петрограде.

1. Социально-экономическое положение в столицах в начале 1917 г.

Рост цен в Петрограде за годы войны составил 3000% [3, с. 402] (если это не опечатка, получается в 30 раз – *А.Д.*). За месяц, в январе 1917 г. цены на многие товары поднялись по сравнению с декабрем 1916 г. на 50 – 100 и более процентов [3, с. 388–389]. По сведениям Петроградского охранного отделения, в январе 1917 г. столичный рынок еще более опустел: в продаже нет достаточного количества молока, масла, мясных продуктов, сахара, а, главное, нет муки, сапог, галош, сукна, шерстяных изделий и пр.; холст, полотно дешевых сортов и др. материи также исчезли

с рынка; бумага и книги, лампы и грелки, аптекарские товары и мыло, и пр., и пр. достаются с трудом, после долгих поисков. Свечи, мыло, достигшие невероятной цены, почти нигде не продаются ... [3, с. 386, 387, 391]. Перспективы безрадостны. «Оптовики ... выражают уверенность, что к февралю (1917 г. – *А.Д.*) цены на многие продукты поднимутся на 75–100% (по сравнению с январем 1917 г. – *А.Д.*)» [3, с. 390].

По сведениям Петроградского охранного отделения, в сфере закупок продовольствия в провинции, транспортировке его в Петроград и распределении среди жителей столицы царит полный хаос, массовая спекуляция, злоупотребления чиновников, полное бездействие властей.

Заболеваемость рабочих столицы в начале 1917 г. по сравнению с 1915 г. выросла в 20 раз [3, с. 398].

В Петрограде с начала войны закрылось до 20.000 ремесленных предприятий из-за недостатка сырья. В ближайшем будущем, по данным Биржи труда, в Петрограде надвинется небывалый кризис мелкой промышленности, 3/4 которой вынуждены будут прекратить свое существование; десятки тысяч специалистов, рабочих будут выброшены в ряды чернорабочих, так как по их специальности им не найти работы [3, с. 383].

Богатую статистику об остром кризисе в снабжении Москвы топливом и продовольствием в январе 1917 г. читатель может найти в соответствующей Записке Московского городского головы М.В. Челнокова для Московской городской думы, подготовленной накануне ее заседания 7 февраля 1917 г. [4, с. 240–242]. Вот некоторые факты. По существующим нормам привоз муки в Москву должен достигать ежедневно 72 вагона (по норме градоначальства – даже 93 вагона). В декабре 1916 г. ежедневно в Москву поступало не более 50 вагонов в сутки (примерно 70% от 72 вагонов – *А.Д.*), а в январе 1917 г. – 42 вагона (58% от 72 – *А.Д.*). До середины января 1917 г. ежедневно в Москву недопоставляли 23% топлива (дрова, уголь, нефть, торф). С 17 января 1917 г. ежедневное прибытие дров в Москву упало до 50% от потребностей столицы, нефти и каменного угля железные дороги почти вовсе перестали подавать.

Как результат, многие предприятия, работающие на оборону, уже остановились или скоро остановятся. ... Городской газовый завод ... с 28 января (1917 г. – *А.Д.*) сократил свою работу более чем на 3/4, и газовое освещение улиц совершенно прекратилось. Городской трамвай в ближайшие дни останавливает вечернее и ночное движение, а если подвоз минерального топлива не улучшится, то придется и вовсе прекратить движение. Городские лазареты уже с января закрываются один за другим, и Москва будет не в состоянии принять раненых с фронта. В квартирах обывателей температура редко поднимается выше 14 – 15°, а в домах с центральным отоплением падает до 12 – 11°. В учебных заведениях и многих учреждениях занятия крайне затруднены, т.к. термометр держится в их помещениях на 8 – 10° (по шкале Цельсия – *А.Д.*). В городе развились массовые заболевания.

Городской голова Москвы предупреждает, если подвоз топлива не удвоится и не достигнет нормы (как понимает читатель, это было невозможно – *А.Д.*), в ближайшие дни Москве грозит опасность голодать, мерзнуть и сидеть во тьме [4, с. 240–241].

Голодающая, замерзающая Москва (дома, на работе, во время учебы – в верхней одежде), без уличного освещения, с редкими трамваями только днем, остановившимися заводами – во-первых, повторение ситуации в Петрограде, во-вторых, это не в 1918 – 1920 гг. при советской власти в период гражданской войны. Это – царская Москва, и на календаре еще только январь – февраль 1917 г.

Ситуация в Москве не является предметом данной статьи. Сегодня в интернете, на телевидении, в публицистике достаточно распространены взгляды, согласно которым, перебои с хлебом и топливом имели место только в Петрограде, были следствием действий шпионов или заговорщиков, возникли якобы внезапно, «как по команде» после отъезда Николая II из Петрограда на фронт 22 февраля 1917 г. Информацией о ситуации в Петрограде и Москве мы хотели показать, что топливный, продовольственный, транспортный кризис, во-первых, начался не в 20-х числах февраля 1917 г., а, как минимум, в декабре 1916 г., если не раньше. Во-вторых, происходил не только в Петрограде, но и в Москве. В-третьих, по мнению Петроградского охранного отделения и Московского городского головы – в этом вопросе мнения жандармов и либералов совпали – надвигающаяся катастрофа была результатом не деятельности мифических шпионов, масонов, а следствием неспособности власти решать перечисленные проблемы.

2. Настроение населения

О настроениях жителей Петрограда в январе 1917 г. в докладе начальника Петроградского охранного отделения К.И. Глобачева 5 февраля 1917 г. читаем следующее: «Ныне озлобление достигло своего апогея: никогда еще не было столько ругани, драк и скандалов, как в настоящее время». Особенно «озлобленное настроение многосемейных, где дети голодают в буквальном смысле слова» [3, с. 388]. Охранка обращает внимание на новое явление: в начале 1917 г. недовольство властью «охватило даже консервативные слои чиновничества, оказавшегося вдруг в одном положении с наименее обеспеченными элементами пролетарских масс столицы» [3, с. 382]. Увы, вопреки многочисленным документам эпохи сегодня в общественном мнении культивируются утверждения Б.Н. Мирнова, Н.В. Старикова, П.В. Мультиатули и других «авторов» о неплохом снабжении жителей Петрограда хлебом в феврале 1917 г., о том, что не надо преувеличивать трудности людей в то время, что у народа не было особых причин для недовольства властью, все это – «происки» оппозиции.

Но не только в столице, а и из провинции «со всех сторон России поступают сведения, показывающие глубокое недоверие населения к Правительству и его мерам» [3, с. 395].

3. Подготовка власти к подавлению народных выступлений

Новый градоначальник Петрограда (назначен 10 ноября 1916 г.) А.П. Балк и начальник Петроградского военного округа генерал С.С. Хабалов разработали план совместных действий полиции и войск в трех вариантах – на случай: а) забастовки, б) уличных демонстраций и в) «беспорядков, переходящих в бунт». Император Николай II одобрил этот документ.

Разработанный план предусматривал сначала меры полицейские, затем войсковые. Город был разделен на 16 районов, за каждым из которых помимо полиции была закреплена конкретная воинская часть из числа запасных батальонов гвардии. Командование каждой воинской части твердо знало, какие общественно значимые здания (органы власти, банки, дворцы и т.п.) в своем районе они берут под охрану в кризисной ситуации, при этом оставляя часть солдат в резерве для быстрого передвижения к месту беспорядков. Всей охраной города ведал начальник запасных гвардейских батальонов генерал-лейтенант А.Н. Чебыкин. С 9 января 1917 г. вследствие болезни А.Н. Чебыкина его заменял полковник л.-гв. Преображенского полка В.И. Павленков [5, Т. 1, с. 184; 6, с. 30; 7, с. 156–158].

Если верить воспоминаниям командира запасного батальона лейб-гвардии Измайловского полка полковника П.В. Данильченко, опубликованных в эмиграции, он и полковник лейб-гвардии Преображенского полка В.И. Павленков на совещании командиров гвардейских запасных частей, на котором генерал А.Н. Чебыкин определял зоны ответственности (районы столицы) каждого полка, выразили сомнение в выполнимости задачи – силами войск подавить возможный «бунт» в столице. Аргументы военных: иное качество рядовых и офицеров в 1917 г. по сравнению с 1905 г. [8, с. 42–43]. Тем не менее, министр внутренних дел А.Д. Протопопов во время представления данного плана царю выразил надежду: несмотря на то, что в 1905 г. прекращали беспорядки 60000 человек солдат; а теперь общая численность всех благонадежных частей (те, кто не откажется стрелять в народ) только 12000 человек, «беспорядки будут прекращены ...» [5, Т. IV, с. 93].

Почему планируемые меры не дали результата 23 – 27 февраля 1917 г.?

Как минимум, по трем причинам. Во-первых, и современники, и последующие исследователи неоднократно отмечали, что войска Петроградского гарнизона ни в профессиональном отношении, ни с моральной точки зрения были не готовы подавлять народные выступления. Некомпетентная власть не знала настроений в войсках или знала, но боялась сама себе в этом признаться?

Вот несколько фактов. В октябре 1916 г. в Петрограде произошли события, которые некоторые историки называют «репетицией» Февральской революции. 17–20 октября 1916 г. по Петрограду прокатилась волна стачек, в которых участвовало 65000 рабочих и которые сопровождалась демонстрациями и столкновениями с полицией. Эти события по многим признакам (нехватка хлеба как главная причина, разгром булочных, стихийность, внезапность, участие подростков и женщин, отказ казаков стрелять в толпу, переход солдат 181 пехотного полка на сторону народа) напоминают события 23–28 февраля 1917 г. [9]. За 4 месяца до февральской революции «первый звонок» – отказ казаков стрелять в рабочих, поддержка стачечников солдатами. Второй факт. В январе – феврале 1917 г. с фронта прибыли 2 казачьих полка в Петроград и гвардейский Морской экипаж – в Царское село. Однако в решающие дни революции эти части не стали активно защищать монарха. Третий факт. Вечером 28 февраля в Царском селе прошли переговоры между частями, перешедшими на сторону революции, и частями, которые пока еще оставались верными императору и охраняли царскую семью в Александровском дворце. К счастью, был найден компромисс, и удалось избежать кровопролития. Но во время сложных переговоров представители восставших полков заявили, что если войска охраны начнут стрелять, они тяжелой артиллерией разнесут дворец [10, с. 180]. Пусть по царской семье стрелять из пушек была готова только часть солдат Царскосельского гарнизона. Но ведь это особый гарнизон. Для службы в его частях был строгий отбор. И вряд ли настроения среди солдат радикально изменились за последние 2-3 дня. Нет, не знала власть настроений солдат и офицеров Петроградского военного округа. Неготовность и нежелание войск стрелять в народ – это первый фактор, почему не был реализован ранее разработанный план по подавлению в столице беспорядков.

Во-вторых, и это даже более важное обстоятельство, в критический момент в феврале 1917 г. в столице не нашлось решительных людей в правительственном лагере, кто смог бы организовать защиту царского режима.

В-третьих, 12000 солдат, полицейских, жандармов во главе с энергичными начальниками, может быть, и подавили бы выступления рабочих, но никто

не предусматривал (не могли себе такого представить?) план действий в ситуации, когда значительная часть войск Петроградского гарнизона перейдет на сторону восставшего народа.

4. Кто возглавлял правительственный лагерь в Петрограде 23 – 28 февраля 1917 г.?

Следствием кадровой политики императора Николая II и императрицы Александры Федоровны в 1915 – 1916 гг. стала деградация исполнительной власти. Как свидетельствует отечественный и мировой опыт, назначение на руководящие должности по принципу личной преданности, как правило, приводит к тому, что в решающий момент борьбы за власть такие «лично преданные» кадры не способны эту власть защитить.

После отъезда императора Николая II 22 февраля 1917 г. из Петрограда в Ставку в Могилев ключевыми фигурами в столице были председатель Совета министров Н.Д. Голицын, министр внутренних дел А.Д. Протопопов, военный министр М.А. Беляев, командующий Петроградским военным округом С.С. Хабалов.

Председатель Совета министров

Во главе правительства последние два месяца существования монархии, с 27 декабря 1916 г. по 27 февраля 1917 г. стоял Николай Дмитриевич Голицын (1850 – 1925). Сам князь в разговоре с императором 25 декабря 1916 г. отказывался от этого поста. Аргументы Н.Д. Голицына: а) возраст (через 3 месяца ему должно было исполниться 67 лет), б) плохое здоровье, в) недостаток управленческого опыта для такой должности¹, г) неучастие в политической жизни страны, что было важно в ситуации отсутствия единства внутри правительства, внутри императорской фамилии, в условиях открытого противостояния между Государственной думой и Советом министров.

Большинство современников понимали его полную неспособность руководить правительством.

По мнению министра иностранных дел Н.Н. Покровского, «это был прекрасный, очень почтенный человек, но окончательно не пригодный к этой должности. ... Человек уже далеко не молодой, в возрасте почти семидесяти лет, князь Н.Д. Голицын обладал добрым, в высшей степени мягким характером и самым приятным обращением, но твердости в нём не было решительно никакой, и справиться с министрами он не был в состоянии, да едва ли и хотел» [11, с. 182].

Еще более резкую оценку дал министр путей сообщения Э.Б. Кригер-Войновский: «князь Голицын, благородный человек, но полное ничтожество в государственных делах» [12, с. 89]. А вот что писал близкий к императорской семье великий князь Александр Михайлович. В новом 1917 году «мрак усиливался. Князь Голицын, назначенный премьером, просто олицетворял собой то, что по-французски называется «gamolli», а по-русски, – старческое слабоумие. Он ничего не понимал, ничего не знал, и только Ники или Аликс могли бы объяснить, чем их прельстил этот придворный старец без всякого административного опыта...» [13, с. 264–265]. Стоит отметить, что отрицательные отзывы о Н.Д. Голицыне появились не только в последующих мемуарах, когда уже был известен

¹ Н.Д. Голицын в другую историческую эпоху, в 1885 – 1903 гг. последовательно был архангельским, калужским и тверским губернатором. С мая 1915 г. по декабрь 1916 г. был председателем Комитета по оказанию помощи русским военнопленным, состоящего под покровительством императрицы Александры Федоровны.

результат событий. Немало негативных отзывов о назначении князя премьер-министром России можно найти в переписке и дневниках современников.

Сравним масштаб личности руководителей правительства в годы, предшествующие 1917 году: С.Ю. Витте, П.А. Столыпин, В.Н. Коковцов, И.Л. Горемыкин, Б.В. Штюрмер, А.Ф. Трепов, Н.Д. Голицын. Хорошо видна тенденция: начиная с В.Н. Коковцова, каждый последующий премьер и по управленческому опыту, и как личность, и по способности отстаивать перед царем свое мнение был слабее, чем предыдущий. Исключение составляет фигура энергичного А.Ф. Третьякова, который возглавлял правительство всего 1,5 месяца, с 10 ноября по 27 декабря 1916 г.

Таким образом, в критический момент истории правительство оказалось без сильного руководителя.

Министр внутренних дел

Вторым человеком в правительстве России в начале XX в. традиционно был министр внутренних дел. С 16 сентября 1916 г. управляющим МВД, а с 20 декабря министром внутренних дел был Александр Дмитриевич Протопопов (1866 – 1918).

А.Д. Протопопов – своего рода «злой гений» императора и императрицы:

а) объединил различные оппозиционные течения в Государственной думе против себя: после отставки премьер-министра Б.В. Штюрмера 10 ноября 1916 г. у депутатов Государственной думы из всех министров наибольший гнев или раздражение вызывал А.Д. Протопопов. Требования о его отставке постоянно звучали в выступлениях депутатов в конце 1916 – начале 1917 г.

б) способствовал падению остатков авторитета Николая II и Александры Федоровны в обществе и среди элиты;

в) ослабил и дезорганизовал деятельность министерства внутренних дел в октябре 1916 г. – феврале 1917 г.;

г) вносил диссонанс в деятельность Совета министров последние пять месяцев перед крахом монархии;

д) дезинформировал царя и царицу о положении дел в стране и Петрограде.

Рамки данной статьи не позволяют подробно проанализировать каждый из пунктов. По пункту «г» – А.Д. Протопопов мешал работе правительства – из множества примеров приведем два факта. Отставки А.Д. Протопопова у Николая II тщетно просили три (!) премьер-министра – Б.В. Штюрмер, А.Ф. Трепов и Н.Д. Голицын. Не желая работать в правительстве вместе с А.Д. Протопоповым, в отставку подавали министр финансов П.Л. Барк, министр иностранных дел Н.Н. Покровский. Царь не принял их отставок. Все это не способствовало слаженной работе правительства накануне краха монархии.

Министр финансов П.Л. Барк позже так вспоминал об А.Д. Протопопове: «Его объяснения и суждения были необычайно поверхностны, он никаким авторитетом не пользовался и представлял собой жалкую фигуру по своей неосведомленности и некомпетентности... В высшей степени воспитанный человек, внимательный, любезный, располагавший к себе своим мягким общением ... Протопопов умел лишь хорошо говорить и не был деловым человеком, совершенно не чувствуя времени ...» [14, с. 112].

А.Д. Протопопов был не просто не на своем месте. Он сам не понимал, что происходит в стране и Петрограде, и постоянно дезинформировал царя и царицу. Доклады Департамента полиции и Петроградского охранного отделения министр не читал [14, с. 114].

Вот как охарактеризовала А.Д. Протопопова близкая подруга императрицы Юлия Ден: «Протопопов, министр внутренних дел, всегда отличался излишним оптимизмом. ... Он не принадлежал к числу людей, способных справиться с кризисной обстановкой. ... Протопопов обещал все, что угодно, не задумываясь над тем, сможет или нет сдержать свое обещание. То же касается и его докладов: он не любил сообщать неприятные факты, поэтому отделивался любезностями. Он неизменно уверял Императорскую Семью, что ничего опасного не может произойти. «Положитесь на меня», – заявлял Протопопов, принимая соответствующую позу. А когда кто-нибудь робко замечал, что среди рабочих, несомненно, налицо тревожные настроения, то Протопопов снова принимал позу, как был говоря: «Тут что-то говорили о тревожных настроениях или же мне это послышалось?» Вслух же с надрывом в голосе, но дружелюбно произносил: «Как?! Неужели вас действительно беспокоят какие-то волнения? Мы скоро подавим эти беспорядки. Против МЕНЯ рабочим не выстоять» [15, с. 134]. Другой близкой подруге царицы – Анне Вырубовой – А.Д. Протопопов «казался очень слабохарактерным» [16, с. 126].

Генерал-майор корпуса жандармов П.П. Заварзин, имевший 19-летний опыт работы в этой системе, в своих воспоминаниях писал: «Протопопов не только не принимал никаких мер, но и не докладывал всех сведений полностью Государю. Говорю «полностью», так как министр Вн.Д., составляя всеподданнейшие доклады из сведений, поступавших со всей империи, весьма смягчал положение, почему в высших сферах и царил изумительный оптимизм [17, с. 208].

Мы специально приводим характеристики министра из уст окружения царя или его сторонников. Оценки либеральной общественности были более негативными.

Императрица в отличие от других министров, генералов, политиков вслед за Г. Распутиным считала, что назначением А.Д. Протопопова в министерство внутренних дел Николай II «совершил акт величайшей мудрости» [18, Т. V, с. 26].

В разговоре с Николаем II вечером 21 февраля 1917 г. министр заверил императора, что все спокойно и все под контролем. Среди других факторов заверения А.Д. Протопопова повлияли на отъезд царя 22 февраля в Ставку верховного главнокомандующего в Могилев.

Известно, что 23 – 27 февраля А.Д. Протопопов не понимал сути происходящих событий, никак не проявил себя в деле защиты царской власти, продолжал успокаивать императора в Ставке и императрицу в Царском селе, дезинформировал Совет министров и окружающих. Приведем только два факта из множества.

25 февраля 1917 г. вечером товарищ (заместитель) обер-прокурора Синода князь Н. Д. Жевахов позвонил А. Д. Протопопову, рассказал об увиденных в течение дня беспорядках в столице и поделился своими тревогами. И получил следующий ответ министра внутренних дел: «Если революция и будет в России, то не раньше, как через 50 лет» [19, с. 224–225]. И это после трех дней народных выступлений, масштабы которых увеличивались с каждым днем.

27 февраля утром градоначальник Петрограда А.П. Балк предупредил А.Д. Протопопова о том, что войска переходят на сторону восставших и к концу дня революция победит. На это министр внутренних дел заявил, что «к вечеру подойдут с фронта свежие войска» и просил градоначальника продержаться до вечера [6, с. 46]. Но Николай II только вечером 27 февраля отдаст распоряжение о посылке войск Петроград. Заявление А.Д. Протопопова было не просто традиционным для царского фаворита пустозвонством. Мы не исключаем того, что оставшиеся

верными царю войска в столице до последнего надеялись, что вот-вот им на помощь придут обещанные министром внутренних дел войска с фронта и надо еще немного продержаться. Как это ни удивительно, в своем письме Александре Федоровне от 26 февраля 1917 г. император пишет, что в деле подавления «беспорядков» в Петрограде он надеется именно на А.Д. Протопопова, а не С.С. Хабалова и Н.Д. Голицына [18, Т. V, с. 224]. Насколько Николай II не разбирался в людях.

Военный министр

Военным министром 3 января 1917 г. стал М.А. Беляев. По мнению военных, хорошо его знавших, он мало подходил для данной должности. Приведем только одно мнение.

Бывший в 1905 – 1909 гг. военный министр А.Ф. Редигер в своих воспоминаниях, написанных в 1917 – 1918 гг., отметил: «Нового военного министра Беляева я знал мало; когда я был министром, он был, кажется, всего начальником отделения Главного штаба ... позже я его часто видел в Финансовой комиссии (Государственного совета – А.Д.), где он неизменно производил на меня впечатление отличного работника, толкового, знающего и трудолюбивого, но неспособного руководить чем-либо. Тем не менее, он во время войны попал в начальники Генерального штаба, а затем, как человек, угодный императрице, и в министры» [20, Т. 2, с. 436].

В Чрезвычайной следственной комиссии, созданной Временным правительством после ареста министров и политиков царского режима, дело военного министра было поручено полковнику С.А. Кореневу. Он быстро разобрался, что М.А. Беляев никаких преступлений не совершал и предложил Президиуму Комиссии отпустить генерала из-под ареста. С.А. Коренев лояльно относился к бывшему военному министру. Тем интереснее (объективнее) его характеристика М.А. Беляева. «Вся его жизнь по штабам и канцеляриям, с одной иерархической ступеньки на другую, – все выше и выше. Спал и дневал, обложившись бумагами. Форма и форма – вот главное. – Содержание же – во-вторых. Знать все начальственные отношения, циркуляры, предписания, инструкции, уметь отписаться, наловчиться самому создавать правила и регламентации, стригущие все и всех под одну гребенку, но, Боже сохрани, – не касаться лишь живого дела – вот катехизис. Засохнуть на ворохах бумаг, пропахнуть канцелярской плесенью и превратиться в какую-то чернильную запятую – незавидный удел человека. – Но Беляев был именно таким» [21, с. 15].

У М.А. Беляева был высокий покровитель – императрица. Еще 13 августа 1916 г. Александра Федоровна в письме к императору интересуется: «Намерен ли ты назначить Беляева военным министром? Я думаю, что ... это был бы разумный выбор» [18, Т. IV, с. 416]. В письме от 14 августа императрица пишет: «Я очень надеялась, что ты назначишь Беляева военным министром – он настоящий джентльмен, отлично осведомлен во всем; это действительно способный человек» [18, Т. IV, с. 420]. А вот мнение Николая II, высказанное в письме супруге 14 августа 1916 г.: «Беляев – человек чрезвычайно слабый, всегда уступает во всем и очень медленно работает» [18, Т. IV, с. 418]. Не в мирное время, а в годы тяжелой войны, накануне суровых испытаний для власти этот «слабый человек» и кабинетный работник через несколько месяцев будет назначен военным министром.

Командующий войсками Петроградского военного округа

Наконец, еще одна ключевая фигура в Петрограде в февральские дни – генерал-лейтенант С.С. Хабалов. С лета 1916 г. он был назначен начальником Петроградского военного округа, а с 6 февраля 1917 г. командующим войсками

Петроградского военного округа. 24 февраля ему была передана вся полнота власти в столице. Современники считали его хорошим начальником военного училища, каким он был с 1903 по 1914 гг. Но в феврале 1917 г. был нужен боевой генерал, способный брать на себя ответственность. С.С. Хабалов таким никогда не был. Вот как его характеризовал начальник Петроградского охранного отделения К.И. Глобачев: «прекрасный преподаватель и педагог, прошедший всю свою службу в военно-учебном ведомстве, совсем не был ни строевым начальником, ни опытным администратором. Он не мог, несмотря на неоднократные совещания и полные информации текущего момента, оценить обстановку и принять правильные решения» [22, с. 119].

По мнению градоначальника Петрограда А.П. Балка, «генерал Хабалов за всю мою совместную службу производил на меня впечатление человека доступного, работающего, спокойного, не лишённого административного опыта, но тиходума и без всякой способности импонировать на своих подчиненных и, главное, распоряжаться войсками» [6, с. 38]. Председатель Совета министров Н.Д. Голицын: С.С. Хабалов «на меня произвел впечатление тяжелодума, очень не энергичного, мало даже сведущего. А тут он совершенно растерялся, и его доклад был такой, что даже нельзя было вынести впечатления, в каком положении находится дело, чего можно ожидать, какие меры он предполагает принять, – ничего. Это был какой-то сумбур» [5, Т. II, с. 266]. Речь идет о частном совещании министров в квартире Н.Д. Голицына в ночь с 25 на 26 февраля 1917 г., на котором правительство обсуждало ситуацию в столице после трех дней народных выступлений.

Николай II считал, что высшие должностные лица должны только исполнять его монаршую волю. Именно исполнителями с разной степенью компетентности, лишёнными инициативы, не способными понимать происходящее, и были оставшиеся в Петрограде 23 февраля 1917 г. Н.Д. Голицын, А.Д. Протопопов, С.С. Хабалов, М.А. Беляев и другие. Надеяться, что в критический момент истории, когда решается судьба монархии, исполнители, оставшись без руководителя, начнут активно действовать и проявлять инициативу – бессмысленно. Отдельные решительные министры в правительстве – исключение и не играли заметной роли в февральских событиях.

Как мы выше отмечали, судьба России и монархии решалась не в провинции, не на фронте, а в Петрограде. И какой была ситуация в городе к моменту отъезда императора 22 февраля 1917 г.? В столице: 1) острый социально-экономический кризис; 2) как следствие, население на грани социального взрыва; 3) 9/10 войск Петроградского гарнизона не надежны; 4) в правительстве – безынициативные исполнители монаршей воли. Военный министр, министр внутренних дел, командующий Петроградским военным округом не обладали авторитетом у подчиненных и были не способны действовать в кризисных ситуациях; 5) низкий авторитет власти в целом и Николая II, в частности, ненависть к императрице, открытые разговоры в обществе о необходимости дворцового переворота.

Все, уважаемый читатель, у власти никаких шансов?

Но кризис (даже во всех сферах общества) и крах – это разные состояния общества или системы. В истории всех стран нередко имели место различные кризисы. Из сложного тяжелого состояния есть два выхода. Сильная или эффективная власть выводит общество из кризиса. Например, реформы Александра II в 60 – 70-е годы XIX в., переход В.И. Ленина к НЭПу в 1921 г., «новый курс» Ф. Рузвельта в США в 1933 – 1939 гг.

Слабая (неэффективная) власть переводит ситуацию кризиса в ситуацию краха системы.

А что же Николай II? У него был выбор.

Военные и правые в июне 1916 г. – январе 1917 г. предлагали царю установить диктатуру в тылу [23, 24, 25]. Так, в начале ноября 1916 г. члены Государственной думы, Государственного Совета, политики, журналисты, входившие в известный кружок А.А. Римского-Корсакова, предложили императору предпринять следующие шаги: роспуск Государственной думы, введение в Петрограде, Москве, других крупных городах военного положения, ввод в столицы верных царю и боеспособных войск, закрытие всех либеральных и левых органов печати и т.д. [24] Другой вариант действий предлагали либералы, некоторые министры, ряд членов Государственного совета и отдельные великие князья. Условно назовем второй вариант – диалог с обществом: создание «кабинета общественного доверия» (состав правительства формируют вместе царь и Государственная дума) или «ответственного министерства» (правительство формирует одна Дума).

Качественно изменившаяся ситуация – кризис в разных сферах с осени 1916 г. – требовал качественного изменения внутренней политики (диктатура или диалог). Император, как известно, не сделал ни того, ни другого, продолжая менять не свою деятельность, а министров. Это обрекало власть на поражение.

22 февраля 1917 г. Николай II покинул Царское село и выехал в Ставку в г. Могилев. Почему он так поступил – одна из загадок истории, которая вряд ли когда-нибудь будет решена. Правильный ответ знает только сам царь и, можно предположить, его супруга Александра Федоровна. Современники событий и авторы научных статей и монографий могут только высказывать гипотезы. «Конспирологическая» версия гласит: генералы «заговорщики» и «предатели» якобы выманили царя в Ставку. Подобное мнение в начале XXI в. преобладает в публицистике, интернете и на телевидении, активно продвигается в работах Н.В. Старикова, П.В. Мультиатули и других авторов. У этой версии нет никаких документальных оснований, она содержит немало логических и фактических ошибок и противоречий.

Вторая, традиционная точка зрения, разделяемая участниками событий, большинством мемуаристов и последующих исследователей данного сюжета – Николаю II было важно обсудить с начальником штаба генералом М.В. Алексеевым ход подготовки русской армии к весеннему наступлению. Решение о наступлении одновременно на Западном и Восточном фронтах весной 1917 г. было принято на Конференции союзников в Петрограде 19 января – 7 февраля 1917 г. Но в этом случае у нас возникает вопрос: не проще было императору пригласить генерала М.В. Алексеева для доклада в Петроград, чем самому отправляться в далекое путешествие в такое сложное время? Например, в январе – феврале 1917 г. Николай II 7 раз принимал в Царском селе исполняющего обязанности начальника штаба Верховного главнокомандующего (вместо болевшего М.В. Алексеева) генерала В.И. Гурко [26, с. 930]. По нашей версии отъезд императора стал следствием 4-5 причин (факторов) разной степени важности. Но это – сюжет для другой статьи.

В контексте данной статьи важно подчеркнуть главное. Единственное лицо, от которого и гражданские и военные власти ждут указаний, – император – находится далеко от Петрограда. Какова вероятность, что без его приказов правительство и военные смогут проявить в столице решительность и самостоятельность в урегулировании кризисной ситуации, которая быстро менялась?

Отъезд главы государства из столицы минимизировал (сузил) возможности сохранения власти, но они еще оставались.

Ошибки власти в Петрограде 23 – 28 февраля 1917 г.

1. Неспособность прогнозировать возможный ход событий. Власть оказалась не готова к выступлению женщин и рабочих 23 февраля (8 марта) 1917 г.

2. Даже не попыталась успокоить население, раздав продовольствие.

3. Не проявила решительность в деле подавления народных выступлений в течение первых 3 дней (23 – 25 февраля).

4. Не смогла парализовать работу Государственной думы – центра, объединяющего все (или почти все) оппозиционные силы.

5. Не создала центр обороны в Петрограде или Царском селе.

Кратко остановимся на каждом из пунктов.

Первый пункт. Неумение прогнозировать ход событий. В условиях, когда в обществе накопилось много «горючего материала», власть должна быть готова к тому, что «взорвать ситуацию», вывести людей на улицы может любая «мелочь». В такой ситуации, которая, как правило, быстро меняется, реакция руководителей должна быть оперативной (мгновенной). Запаздывание в принятии решений значительно ухудшает положение власти.

Правительство, полиция, военные ожидали и готовились к возможным «беспорядкам» 14 февраля 1917 г. – в день, когда Государственная дума возобновила заседания после 2-х месячного перерыва в своей работе. Но этот день и последующие дни по ряду причин в столице прошли спокойно. Но почему власть не предусмотрела возможность народных выступлений 23 февраля 1917 г.? По новому стилю это 8 марта – Международный день работниц (именно так он назывался в то время). Заранее было известно, что, как и в предыдущие годы, именно этот день может быть ознаменован массовыми выступлениями за права женщин. Но ситуация 23 февраля (8 марта) 1917 г. в Петрограде была принципиально иной по сравнению с февралем 1916 г.: положение основной массы населения в течение прошедшего года значительно ухудшилось, неприятие власти и даже ненависть к ней достигли максимума.

Именно об этом предупреждал власть начальник Петроградского охранного отделения генерал К.И. Глобачев в своем докладе 5 февраля 1917 г. «Матери семей, изнуренные бесконечным стоянием в хвостах у лавок, исстрадавшиеся при виде своих полуголодных и больных детей, пожалуй, сейчас гораздо ближе к революции, чем г.г. Милюковы, Родичевы и К^о; и, конечно, они гораздо опаснее, так как представляют собою тот склад горючего материала, для которого достаточно одной искры, чтобы вспыхнул пожар» [3, с. 388].

Так все и произошло через 18 дней. 23 февраля массовые выступления женщин были поддержаны рабочими и среднегородскими слоями.

Второй пункт. Что необходимо было сделать власти, чтобы предотвратить народный гнев?

«Дать заработок (доставить на фабрики и заводы сырье и топливо) для пролетариата Петрограда и Москвы и накормить население двух названных центров в настоящий момент – значит предотвратить неизбежность катастрофически надвигающейся опасности для всей страны» [3, с. 402].

Мы согласны с выводом К.И. Глобачева: решив проблемы Петрограда, Николай II мог бы предотвратить назревающую революцию.

Увы, власть этого не сделала ни до 23 февраля, ни в последующие дни.

В Петрограде, по сведениям градоначальника А.П. Балка, «в городском запасе находился недельный запас муки для прокормления 3 миллионного населения». Кроме того были еще и военные запасы, «и в крайнем случае можно было и ими воспользоваться» [6, с. 28]. «... Телеграммы получались со всех сторон, что мука идет (в Петроград – А.Д.) в большом количестве и что вот-вот столица будет залита мукой» [6, с. 29]. По сведениям командующего Петроградским военным округом генерала С.С. Хабалова «к числу 23-му (февраля – А.Д.) запасы муки ... определялись в 500.000 пудов. Это, при отпуске в 40.000 пудов (ежедневно – А.Д.), – выходило дней на 10 – 12» [5, Т. I, с. 186].

Если, как считал генерал К.И. Глобачев, и мы с ним согласны, накормив население Петрограда, можно было успокоить народный гнев, почему власть, имея запасы продовольствия на 7 – 10 дней, не сделала этого? Наш ответ: для решения данной задачи нужны были экстраординарные меры, но существующая в 1917 г. в России система управления и конкретные лица во власти, как показала действительность, были на это не способны.

Третий пункт. Власть проявила нерешительность в подавлении народных выступлений в течение первых 3 дней (23 – 25 февраля). С 24 февраля 1917 г. власть в Петрограде была передана военным. Но командующий округом генерал-лейтенант Сергей Семенович Хабалов не был генералом Наполеоном Бонапартом, который 5 октября 1795 г. в Париже выстрелами из пушек подавил мятеж роялистов. Не был он и Николаем I, который 14 декабря 1825 г. из пушек расстрелял восставших декабристов. Не был он и генералом Д.Ф. Треповым, генерал-губернатором Санкт-Петербурга, в приказе которого войскам в октябре 1905 г. были всем известные слова «холостых залпов не давать и патронов не жалеть». С.С. Хабалов был старый «кабинетный служака», мало подходивший на роль умирителя вооруженного мятежа.

По мнению очевидца событий генерала А.И. Спиридовича, власть должна была использовать силу еще 24 февраля. «Раз во время войны устраивается политическая демонстрация, и полиция и войсковой наряд видят плакаты и флаги с надписями: «Долой войну», «Долой Царя», «Да здравствует республика» – стрельба необходима. В таком положении стрельба понятна каждому простому солдату. Такой момент был потерян вчера (24 февраля – А.Д.), когда в одном месте была именно политическая демонстрация, были революционеры, а не просто толпа» [27, Т. III, с. 97.]. Генерал-майор А.И. Спиридович 6 лет (1899 – 1905 гг.) служил в корпусе жандармов. В эти годы работал в Московском охранном отделении, руководил Таврическим и Киевским охранными отделениями, в 1906 – 1916 гг. руководил охраной императора. Это был решительный человек, профессионал в своем деле. По этим причинам осенью 1916 г. министр внутренних дел А.Д. Протопопов предлагал царю кандидатуру А.И. Спиридовича на должность градоначальника Петрограда. С большой вероятностью можно предположить, что под его руководством полиция, жандармы и военные в феврале 1917 г. действовали бы намного энергичнее и жестче. Но против его кандидатуры была императрица Александра Федоровна. Учитывая личные и профессиональные качества А.И. Спиридовича, к его словам о том, что стрелять надо было уже 24 февраля, стоит прислушаться.

Три дня, 23 – 25 февраля войска вяло действовали против демонстрантов. Активные действия проявляли в основном полиция и жандармы. С.С. Хабалов, если верить его словам на допросе в Чрезвычайной следственной комиссии 22 марта 1917 г., до последнего медлил в применении оружия: «я усиленно не желал

прибегать к стрельбе: желательно было обойтись без стрельбы...» [5, Т. I, с. 189]. Однако, во всех странах во все исторические эпохи демонстранты или «бунтовщики» отсутствие энергичного отпора со стороны власти воспринимают как ее слабость. Любое движение идет по нарастающей. Борьбу всегда начинает активное меньшинство. Основная масса колеблется, но видя, что «за это ничего не будет», с каждым днем в движении принимает все больше и больше людей. Чем более массовым становится антиправительственное выступление, тем с каждым днем его сложнее подавить. Когда «бунтуют» тысячи, армия и полиция будут на стороне власти. Когда на улицы выходят сотни тысяч, армия колеблется, перестает выполнять приказы начальства, выходят миллионы – армия (или ее значительная часть) переходит на сторону народа.

25 февраля около 21 часа командующий Петроградским военным округом генерал С.С. Хабалов получил телеграмму царя: «Повелеваю завтра же прекратить в столице беспорядки, недопустимые в тяжелое время войны с Германией и Австрией. Николай». Показательна реакция генерала на это предписание императора. «Эта телеграмма ... меняхватила обухом... Но что же делать? – Царь велел: стрелять надо... Я убит был – положительно убит! – Потому что я не видел, чтобы это последнее средство, которое я пушу в ход, привело бы непременно к желательному результату...» [5, Т. I, с. 190].

Итак, после трех дней беспорядков, тогда еще мало кто понимал, что началась революция, командующий округом был не готов использовать «последнее средство» и 26 февраля никакой стрельбы по демонстрантам могло и не быть. Но 25 февраля поступил приказ императора. На вечернем совещании начальников участков, на которые был поделен город, и командиров запасных батальонов после информации С.С. Хабалова о телеграмме Николая II были рассмотрены возможные варианты поведения войск в зависимости от действий демонстрантов.

В ночь с 25 на 26 февраля состоялось заседание правительства. Большинство его участников высказались за обязательность применения силы к «бунтовщикам». В какой-то степени пророческими были слова министра земледелия А.А. Риттиха: «только несокрушимая энергия и решимость не останавливаться ни перед какими жертвами могут завтра установить расхлябанный организм (так в тексте – А.Д.), власть и порядок. Каждому необходимо проникнуться сознанием не останавливаться перед ужасом пролития крови, т. к. упустив время теперь, в дальнейшем потребуется уже море крови» [6, с. 40]. Заседание министров в этом отношении принесло пользу: два генерала, далеко не воинственные, набрались энергии и освободились от страха ответственности перед Царем и обществом [6, с. 41].

26 февраля 1917 г. стрельба по демонстрантам гремела в разных частях города.

Четвертый пункт. Власть не смогла парализовать работу Государственной думы – центра, объединяющего все (или почти все) оппозиционные силы.

Для того, чтобы стихийное недовольство масс вылилось в какое-то крупное организованное выступление, обязательно необходим вождь (например, С. Разин, Е. Пугачев) или какая-то организационная структура (например, тайные общества декабристов, народовольцев, политическая партия, профсоюз «Солидарность» Л. Валенсы в Польше в 80-е годы XX в. и т.д.)

В ночь с 25 на 26 февраля 1917 г. полиция арестовала в Петрограде более 100 человек – лидеров и активистов левых сил.

Но центром оппозиционного движения в феврале 1917 г. была Государственная дума. Именно к ней пришли воинские части, перешедшие на сторону рабочих, ища защиты за свое нарушение присяги или демонстрируя свою лояльность новой власти. Ответы на традиционный вопрос «Что делать?» представители разных политических сил и движений искали в Государственной думе. Сюда же стали привозить арестованных министров, генералов.

В ночь с 26 на 27-е февраля на своем заседании Совет министров принял решение приостановить деятельность Государственной думы. Однако власть ограничилась публикацией соответствующего Указа. На практике депутаты продолжили свою деятельность, постепенно превращая Думу в центр революции.

В 19 часов 27 февраля в Адмиралтейство, временно ставшим центром правительственных войск, прибыл бывший (в 1915 – 1916 гг.) командующий гвардией на фронте генерал В.М. Безобразов. В разговоре с С.С. Хабаловым он сказал, что «Голова бунтовщической гидры» находится «на Таврической улице, в Государственной думе. Отрубите ее и завтра в столице наступит спокойствие» [6, с. 53]. Дав такой «ценный» совет, В.М. Безобразов покинул здание, почему-то устранившись от выполнения своего долга – защищать императора.

Итак, власть не ликвидировала центр всех оппозиционных сил, который, это еще один урок революции, постепенно логикой борьбы порой вопреки желаниям самих депутатов превращался из либерального в революционный.

Пятый пункт. Отсутствовал центр обороны в Петрограде или Царском селе.

27 февраля, когда отдельные восставшие воинские части поддержали рабочих, С.С. Хабалов создавал из разрозненных частей, еще верных присяге, под руководством энергичных офицеров объединенные отряды и направлял их в различные районы столицы. Наиболее известным подобным сюжетом являются действия полковника А.П. Кутепова. По подсчетам С.С. Хабалова, в составе его отряда 27 февраля было «примерно, пехоты человек 700, эскадрон человек 100; ... двенадцать пулеметов, человек тоже около 100... всего около 1.000 человек» [5, Т. I, с. 214]. Шансов у таких разрозненных и относительно малочисленных отрядов на подавление массового выступления народа и перешедших на его сторону воинских частей практически не было. После ряда безуспешных попыток «навести порядок», как пишет сам А.П. Кутепов, «большая часть моего отряда смешалась с толпой, и я понял, что мой отряд больше сопротивляться не может» [28, с. 34].

Может быть, не стоило распылять силы, направляя отдельные части, которые еще оставались верными власти, на подавление антиправительственных выступлений в разные районы города. Может быть, лучше было бы объединить все разрозненные воинские соединения, оставшиеся верными монарху, и контролировать хотя бы небольшой район – Зимний дворец, Адмиралтейство и т.д. Что это могло дать?

Во-первых, подобный центр (оплот) мог стать своего рода «магнитом», который притягивал бы к себе те воинские части, отдельных солдат и офицеров, кто сознательно хотел бы защищать царя. Такие в столице были. Отдельные воинские формирования оказывали вооруженное сопротивление революционерам и 28 февраля, уже после победы революции. Самый ожесточенный бой, который шел не один час, в первой половине дня вели солдаты и офицеры 181 самокатного полка. Только использование восставшими артиллерии и броневых автомобилей позволило сломить ожесточенное сопротивление защитников монархии. Полдня 28 февраля депутаты Думы вели сложные переговоры с частями Петропавловской крепости

о признании ими новой власти. Находившиеся в гостинице «Астория» офицеры днем 28 февраля оказали вооруженное сопротивление восставшим взять гостиницу под контроль. Отдельные чины полиции вели стрельбу по революционерам 1 и даже 2 марта. Отсутствие в столице популярной в войсках фигуры или какого-либо оплота власти не позволило объединить существовавшие в столице разрозненные очаги сопротивления.

Во-вторых, всегда в любом противостоянии кроме активных сторонников и активных противников значительная масса (если не сказать, большинство) колеблется. Наличие активного мощного центра по защите власти могло повлиять на настроения колеблющихся солдат и офицеров. И кто-то мог «колебнуться» в пользу власти. И он бы знал, куда надо идти в столице, чтобы присоединиться к единомышленникам. Напротив, отсутствие какого-либо организованного активно действующего очага сопротивления восставшим затрудняло (делало невозможным) объединение усилий монархистов. 28 февраля во многих частях среди офицеров шли жаркие споры, признавать ли новую власть? Большинство офицеров в своих батальонах 28 февраля, а примерно 1500 офицеров, собравшихся утром 1 марта, приняли решение признать власть Исполнительного комитета Государственной Думы. Активное вооруженное сопротивление созданного царскими властями центра по защите монархии в Зимнем дворце, в Адмиралтействе, в другом месте могло повлиять на настроения колеблющихся военнослужащих.

В-третьих, такой оплот власти мог стать для царя и генералов в Ставке источником информации, альтернативной той, что посылал Председатель Государственной думы М.В. Родзянко в Псков командующему Северным фронтом Н.В. Рузскому, в Могилев начальнику штаба Верховного главнокомандующего М.В. Алексееву, командующим других фронтов. Известно, что сведения, направляемые М.В. Родзянко генералам: а) порой искажали картину событий; б) значительно (если не решающим образом) повлияли на позицию руководства армией и его действия в этот период.

Стоит отметить, что верные царю генералы попытались в ночь с 27 на 28 февраля организовать очаг сопротивления восставшим. Под их руководством было, по сведениям присутствующего здесь же градоначальника Петрограда генерал-майора А.П. Балка, 4 учебных команды гвардейских частей (800 штыков при пулеметах), резерв полиции (100 штыков), 2 запасных гвардейских эскадрона (200 сабель), конная полиция (200 сабель), жандармский дивизион (100 сабель), гвардейская запасная батарея (8 орудий). Итого: 900 штыков, 500 сабель, пулеметы и 8 орудий [6, с. 51].

Подробности данного сюжета можно прочесть у участников событий: генерала С.С. Хабалова [5, Т. I, с. 202–205], градоначальника А.П. Балка [6, с. 51–61], командира запасного батальона лейб-гвардии Измайловского полка полковника П.В. Данильченко [8, с. 47–55] и других.

В ночь с 27 на 28 февраля объединенный отряд перешел из Адмиралтейства в Зимний дворец. Назначенный своего рода комендантом Дворца полковник П.В. Данильченко организовал его оборону, расставив на ключевые места пехоту, артиллерию и кавалерию. Из дворца позвонили членам императорской фамилии и министрам, приглашая их во дворец под свою защиту [8, с. 51]. Сам П.В. Данильченко «пробовал соединиться дворцовым проводом с Царским Селом для предложения Государыне Императрице защиты, но этот провод мне не соединили, так как революционеры им уже завладели» [8, с. 51].

Зимний дворец вполне мог стать центром, оплотом защиты монархии. Помимо сводного отряда С.С. Хабалова, прибывшего из Адмиралтейства, в течение ночи на 28 февраля ко дворцу прибыла рота лейб-гвардии 2-го стрелкового Царскосельского полка. Командовал ею штабс-капитан Нарбут, который по собственной инициативе, видя в Царском Селе переход гарнизона на сторону революционеров, поездом доставил в Зимний дворец верных Государю Императору стрелков [8, с. 50]. П.В. Данильченко позвонил командир роты лейб-гвардии Егерского полка и попросил разрешения прибыть с его ротой в Зимний дворец [8, с. 51]. Другими словами, о верных монарху войсках вокруг Зимнего дворца было известно в частях Петроградского гарнизона. Было известно и в Государственной думе. П.В. Данильченко вспоминает, что ему «телефонировал из Государственной думы Родзянко, приглашая меня в думу. Я приказал ответить, что я туда не поеду, и чтобы он сам явился ко мне» [8, с. 52].

Итак, Зимний дворец под надежной охраной верных царю войск, жандармов и полиции. Не исключено, что ночью или в течение 28 февраля к этому оплоту монархии могут присоединиться какие-либо пусть даже разрозненные воинские формирования или отдельные опытные офицеры – фронтовики, которых тогда множество находилось в Петрограде в отпусках на лечении.

Что или кто помешал создать вокруг Зимнего дворца надежный центр сопротивления «февральской стихии»? Увы, не кто иной, как брат императора Михаил Александрович. Он приехал в Зимний дворец рано утром 28 февраля и потребовал от С.С. Хабалова и М.А. Беляева вернуть войска из Зимнего дворца назад в Адмиралтейство. Причина? Великий князь не хочет допустить кровопролития здесь, во дворце [5, Т. I, с. 203–204; 8, с. 52]. Через 2 дня, 3 марта Михаил Александрович нанесет еще более разрушительный удар по монархии, отказавшись от престола, который ему передал Николай II. Вот так действовал младший брат императора в критические дни защиты института монархии.

Оставшиеся верными царю части под утро 28 февраля второй раз за ночь совершили теперь уже обратный переход из Дворца в Адмиралтейство. И если по дороге во Дворец среди солдат и офицеров отмечался подъем духа, то возвращение через 2-3 часа назад в Адмиралтейство вызвало у людей подавленное настроение [8, с. 54].

П.В. Данильченко считал приказ о переводе войск из Зимнего дворца в Адмиралтейство «преступным» и «капитуляцией перед революционерами» [8, с. 52]. В своих воспоминаниях он напишет, что когда войска уходили из Дворца «мне пришла в голову преступная мысль: остановить мои роты, вызвать генералов Беляева, Хабалова и Занкевича и арестовать их, а самому встать во главе войск... Но тогда пришлось бы арестовать и Великого Князя Михаила Александровича, родного брата Государя Императора... Этого выполнить я не смел, ибо во дворце он являлся представителем Императорской власти» [8, с. 54].

Петр Васильевич Данильченко (1873 – 1953) уедет из восставшего Петрограда на румынский фронт, где с марта по май 1917 г. командовал 7 пехотным Ревельским полком, потом госпиталь, увольнение со службы, в годы гражданской войны участвовал в Белом движении на Юге страны. В эмиграции приходилось братья за любую работу, чтобы выжить. Например, в Софии работал рассыльным и кассиром в одном из отелей. Уезжая в Америку, он передал свою должность бывшему сослуживцу по Измайловскому полку генералу Г.И. Лескинену (1870 – 1944). Этот факт лишний раз характеризует тяжелое положение многих русских эмигрантов:

полковник и генерал соглашаются работать рассыльными при отеле в Болгарии. В 1923 г. переезд в Америку, где сначала работал на ферме два месяца, затем в Нью-Йорке помощником повара в госпитале, затем управлял и обслуживал 4-х этажный дом, работал маляром, два лета на кладбище садовником ... Пресловутое «если бы...». Если бы Петр Васильевич Данильченко в ночь с 27 на 28 февраля 1917 г. каким-то чудом мог увидеть трагедию России в годы гражданской войны, драму миллионов эмигрантов, собственное унижительное существование в эмиграции, может быть, ему хватило бы духу арестовать своих начальников, превратить Зимний дворец и прилегающие к нему кварталы в оплот монархистов, куда бы могли бы прибыть все желающие защитить императора, продержаться 2-3 дня до подхода частей с фронта ... Но ничего этого Петр Васильевич не мог знать. Когда войска покидали Зимний дворец, он вследствие переутомления и болезни был отпущен в лазарет, передав командование сводным отрядом полковнику Измайловского полка Б.В. Фомину (1886 – 1945) [8, с. 54].

Ночью по дороге из Зимнего дворца в Адмиралтейство и утром многие солдаты и офицеры самостоятельно или с разрешения своих командиров вернулись в казармы или пошли по домам (полицейские, жандармы). В первой половине 28 февраля 1917 г. С.С. Хабалов и другие генералы прекратили борьбу и были арестованы.

Еще раньше, вечером 27 февраля Совет министров «самороспустился».

Официальная власть в столице перестала существовать.

Но это еще не конец, уважаемый читатель.

Традиционно считается, и мы с этим согласны, ключевым или днем победы Февральской революции 27 февраля 1917 г. В этот день: а) часть войск Петроградского гарнизона перешла на сторону революции; б) был создан Временный комитет Государственной думы; в) путем выборов был сформирован Петроградский совет рабочих депутатов; г) Совет министров России «самораспустился»; д) разрозненные попытки военных подавить народные выступления не увенчались успехом. К вечеру практически весь город оказался в руках восставших.

Но весьма значимым для исхода событий был день 28 февраля: а) царский поезд пытается проехать в Царское село; б) с фронта идут эшелоны с войсками в Петроград для подавления «бунта»; в) железнодорожники во главе с комиссаром Временного комитета Государственной Думы А.А. Бубликовым отчаянно противостоят царским эшелонам и эшелонам с войсками с фронта попасть в столицу; г) руководители Государственной думы не уверены в своей победе; д) в Царском селе восстала часть гарнизона, противостоят защитников Александровского дворца, в котором находится царская семья, и восставших частей.

28 февраля – вакуум власти в России. Правительство в Петрограде официально перестало существовать еще накануне (27 февраля). Царь «блуждает» по железным дорогам России и не знает о ситуации в столице. Государственная дума не знает о планах царя и военного командования в Ставке. Генералы не знают, где находится царь (связи с ним было 38 часов), и смутно представляют обстановку в Петрограде.

Но это уже другая история...

Таким образом, можно сделать следующие **выводы**:

1. Мировая и отечественная история свидетельствует о том, что система, которая, казалось, была незыблемой, сильной, стабильной, в считанные дни может рухнуть. Как правило, это бывает полной неожиданностью, как для власти, так и для общества. Признаки (индикаторы), позволяющие власти и обществу

вовремя заметить начавшийся процесс трансформации состояния равновесия (эволюционного пути) в состояние неустойчивости и непредсказуемости процесса:

- а) Степень оппозиционных настроений масс, степень готовности масс к борьбе против существующей власти.
- б) Степень авторитета или десакрализации власти. Если массы уважают власть, они будут прощать ей какие-то ошибки и не требовать ее свержения. Например, многие из тех, кто жил в тяжелых условиях начала 1917 г. в Петрограде, через 25 лет попали в еще более тяжелую ситуацию в период блокады Ленинграда фашистами. Но в катастрофических условиях 1942 – 1944 гг. ленинградцы не требовали «Долой советскую власть», «Долой Сталина». Напротив, сделали все, чтобы защитить себя и существующую власть.
- в) Наличие вождя или центра, объединяющего различные оппозиционные силы.

2. Откладывая решение многих вопросов «на потом», Николай II создал в столицах взрывоопасную кризисную ситуацию. Когда накопилось много «горючего материала», спокойствие в обществе часто бывает обманчивым. Любая мелочь может стать детонатором народного взрыва. Эффективная власть занимается не реагированием, тем более с опозданием на происходящее, а упреждением прогнозируемых проблем или вызовов.

3. Руководство страны должно быть готово к тому, что события могут развиваться стремительно. В быстро меняющейся обстановке только мгновенная и решительная реакция может спасти власть.

4. Ошибки власти в Петрограде 23 – 28 февраля 1917 г.:

- а) Неспособность прогнозировать возможный ход событий. Власть оказалась не готова к выступлению женщин и рабочих 23 февраля (8 марта) 1917 г.
- б) Даже не попыталась успокоить население, раздав продовольствие.
- в) Не проявила решительность в деле подавления народных выступлений в течение первых 3 дней (23 – 25 февраля).
- г) Не смогла парализовать работу Государственной думы – центра, объединяющего все (или почти все) оппозиционные силы.
- д) Не создала центр обороны в Петрограде или Царском селе.

5. В критический момент борьбы за власть в России ключевую роль играет позиция армии: поддержит она руководство страны или перейдет на сторону народа. Во-первых, царская власть показала слабое знание настроений в частях, расквартированных в Петрограде, Царском селе и окрестностях столицы. Во-вторых, на поведение солдат и офицеров влияет несколько факторов, в том числе, насколько массовыми будут народные выступления.

6. На вопросы, заданные в начале статьи, можно ответить так.

- а) После начала волнений в Петрограде 23 февраля у власти пусть минимальный, но был шанс сохранить монархию.
- б) Почему власть не реализовала свой шанс? Для сохранения монархии необходимы были решительные меры (см. выше пункт 4 б, в, г, д), на что оказались не способны оставшиеся в столице некомпетентные, не авторитетные, не энергичные гражданские и военные руководители. Каков глава государства – таковы и его кадры. Паралич власти – главная причина краха монархии в феврале 1917 г.

Список источников

1. Бестужев-Лада И.В. Ретроальтернативистика в философии истории // Вопросы философии. 1997. № 8. С. 112–122.
2. Дневники Николая II и императрицы Александры Федоровны: в 2 т./ отв. ред., сост. В.М. Хрусталева. М.: ПРОЗАИК, 2012.
3. Доклад начальника Петроградского охранного отделения К.И. Глобачева директору Департамента полиции 5 февраля 1917 г. / Глобачев К.И. Правда о русской революции: Воспоминания бывшего начальника Петроградского охранного отделения. М., 2009. С. 381–403.
4. Записка Московского городского головы М.В. Челнокова о тяжелой ситуации со снабжением г. Москвы продовольствием и топливом / Москва в годы Первой мировой войны. 1914–1917 гг.: Документы и материалы. М., 2014. С. 240–242.
5. Падение царского режима: Стенографические отчеты допросов и показаний, данных в 1917 г. в Чрезвычайной Следственной Комиссии Временного Правительства / Ред. П.Е. Щеголев. Т. I–VII. М.-Л.: Госиздат, 1924–1927.
6. Балк А.П. Последние пять дней царского Петрограда. Дневник последнего Петроградского Градоначальника / Русское прошлое. Историко-документальный альманах. Кн. 1. Л., 1991. С. 26–64.
7. Мартынов Е.И. Царская армия в Февральском перевороте / Мартынов Е.И. Политика и стратегия. М., 2003. С. 121–272.
8. Данильченко П.В. Роковая ночь в Зимнем Дворце. 27 февраля 1917 года / Февраль 1917 глазами очевидцев. М.: АЙРИС-пресс, 2017. С. 42–54.
9. Нефедов С.А. Репетиция Февральской революции // Былые годы. 2016. № 42(4). С. 1378–1385.
10. Никифоров А.Л. Царское Село в дни Февральской революции // XXI Царско-сельские чтения. Материалы международной научной конференции. 2017. С. 175–183.
11. Покровский Н.Н. Последний в Мариинском дворце: Воспоминания министра иностранных дел. М.: Новое литературное обозрение, 2015.
12. Кригер-Войновский Э.Б. Записки инженера: Воспоминания, впечатления, мысли о революции // Кригер-Войновский Э.Б.; Спроге В.Э. Записки инженера. М.: Русский путь, 1999. С. 7–132.
13. Великий князь Александр Михайлович. Воспоминания в двух книгах. М.: Захаров, 2017.
14. Гайда Ф.А. Председатель отдела древесного топлива: Протопопов: «салонный шармёр» у кормила власти // Родина. 2011. № 5. С. 110–114.
15. Ден Ю. Подлинная царица. М.: Вече, 2013.
16. Танеева (Вырубова) А. А. Страницы моей жизни. М.: Благо, 2000.
17. Заварзин П. П. Жандармы и революционеры: Воспоминания. Париж, 1930.
18. Переписка Николая и Александры Романовых. 1914–1917 гг. т. III–V. М.-Л., Государственное издательство, 1923–1927.
19. Жевахов Н.Д. Воспоминания. Т. 1. СПб.: Родник, 1993.
20. Редигер А.Ф. История моей жизни. Воспоминания военного министра. В двух томах. М.: Канон-пресс; Кучково поле, 1999.
21. Коренев С. А. Чрезвычайная Комиссия по делам о бывших министрах / Архив русской революции. В 22 т. Т. VII. Берлин, 1922. С. 14–33.
22. Глобачев К. И. Правда о русской революции: Воспоминания бывшего начальника Петроградского охранного отделения. М.: РОССПЭН, 2009.
23. Доклад генерала Алексея Николаевича. Проект военной диктатуры. 15 июня 1916 г. / Дневники и документы из личного архива Николая II: Воспоминания. Мемуары. Мн.: Харвест, 2003. С. 333–342.

24. Записка, составленная в кружке Римского-Корсакова / Блок А.А. Последние дни Императорской власти. Пб.: Алконост, 1921. С. 122–125.
25. Объяснительная записка к пункту II предыдущей записки, составленной в кружке Римского-Корсакова / Блок А.А. Последние дни Императорской власти. Пб.: Алконост, 1921. С. 126–140.
26. Камер-фурьерские журналы. 1916–1917 гг. СПб.: Д.А.Р.К., 2014.
27. Спиридович А.И. Великая война и Февральская революция. 1914 – 1917 гг. Кн. I–III. Нью-Йорк, 1960–1961.
28. Кутепов А.П. Первые дни революции в Петрограде / Февраль 1917 глазами очевидцев. М.: АЙРИС-пресс, 2017. С. 24–41.

References

1. Bestuzhev-Lada I. V. Retrospective in the philosophy of history. *Voprosy filosofii = Voprosy Filosofii*. 1997;(8):112–122. (In Russ.)
2. Khrustalev V. M. (ed.) *Diaries of Nicholas II and Empress Alexandra Fedorovna*: in 2 vols. Moscow: PROZaiK; 2012. (In Russ.)
3. Report of the Head of the Petrograd Security Department K.I. Globachev to the Director of the Police Department on February 5, 1917. In: Globachev K. I. *Truth about the Russian Revolution: Memoirs of the former head of the Petrograd Security Department*. Moscow; 2009:381–403. (In Russ.)
4. Note by Moscow Mayor M.V. Chelnokov on the difficult situation with the supply of food and fuel to Moscow. In: *Moscow during the First World War. 1914-1917: Documents and materials*. Moscow; 2014:240–242. (In Russ.)
5. Shchegolev P.E. (ed.). *The fall of the tsarist regime: Verbatim reports of interrogations and demonstrations in 1917 in the Emergency Commission of Inquiry of the Provisional Government*. T. I-VII. Moscow-Leningrad: Gosizdat; 1924-1927. (In Russ.)
6. Balk A. P. The last five days of tsarist Petrograd. Diary of the last Petrograd Mayor. In: *Russian Past. Historical documentary almanac*. Vol. 1. Leningrad; 1991:26-64. (In Russ.)
7. Martynov E. I. Tsarist army in the February coup. In: Martynov E. I. *Politics and strategy*. Moscow; 2003:121–272. (In Russ.)
8. Danilchenko P. V. *Fatal night in the Winter Palace. February 27, 1917/February 1917 through the eyes of eyewitnesses*. Moscow: IRIS-press; 2017:42–54. (In Russ.)
9. Nefedov S. A. Rehearsal of the February Revolution. *Bylye gody = Bylye Gody*. years. 2016;42(4):1378–1385. (In Russ.)
10. Nikiforov A. L. Tsarskoye Selo in the days of the February Revolution. In: XXI Tsarskoye Selo readings. Proceedings of the International Scientific Conference. 2017:175–183. (In Russ.)
11. Pokrovsky N. N. *The last in the Mariinsky Palace: Memoirs of the Minister of Foreign Affairs*. Moscow: New Literary Review, 2015. (In Russ.)
12. Krieger-Voinovsky E. B. Notes of the engineer: Memories, impressions, thoughts on the revolution. In: Krieger-Voinovsky E. B.; Spröge V. E. *Notes of the engineer*. Moscow; 1999:7–132. (In Russ.)
13. *Grand Duke Alexander Mikhailovich. Memories in two books*. Moscow: Zakharov; 2017. (In Russ.)
14. Gaida F. A. Chairman of the wood fuel department: Protopopov: the "salon charmer" fed the authorities. *Rodina = Rodina*. 2011;(5):110–114. (In Russ.)
15. Den Yu. *Genuine queen*. Moscow: Veche; 2013. (In Russ.)
16. Taneeva (Vyubova) A. A. *Pages of my life*. Moscow: Blago; 2000. (In Russ.)
17. Zavarzin P. P. *Gendarmes and revolutionaries: Memoirs*. Paris, 1930. (In Russ.)
18. *Correspondence of Nikolai and Alexandra Romanov*. 1914-1917. Vol. III-V. Moscow-Leningrad: State Publishing House; 1923-1927. (In Russ.)
19. Zhevakhov N. D. *Memoirs*. T. 1. St. Petersburg: Spring, 1993. (In Russ.)

20. Rediger A. F. *The story of my life. Memoirs of the Minister of War*. In 2 volumes. Moscow: Canon-press; Kuchkovo field; 1999. (In Russ.)

21. Korenev S. A. *Extraordinary Commission for Former Ministers / Archive of the Russian Revolution*. In 22 vol. T. VII. Berlin; 1922:14–33. (In Russ.)

22. Globachev K. I. *The truth about the Russian revolution: Memoirs of the former head of the Petrograd security department*. Moscow: ROSSPEN; 2009. (In Russ.)

23. Report of General Alekseev to Nicholas II. Draft military dictatorship June 15, 1916. In: *Diaries and documents from the personal archive of Nicholas II: Memoirs. Memoirs*. Minsk: Harvest, 2003:333–342. (In Russ.)

24. Note compiled in the circle of Rimsky-Korsakov. In: Block A. A. *The last days of Imperial power*. Peterburg: Alconost; 1921:122–125. (In Russ.)

25. Explanatory note to item II of the previous note, compiled in the circle of Rimsky-Korsakov. In: Block A. A. *Last days of Imperial power*. Peterburg: Alconost; 1921:126–140. (In Russ.)

26. *Camera-fourier magazines*. 1916–1917. St Peterburg: D.A.R. K.; 2014. (In Russ.)

27. Spiridovich A. I. *The Great War and the February Revolution. 1914–1917*. Vol. I–III. New York; 1960–1961. (In Russ.)

28. Kutepov A. P. The first days of the revolution in Petrograd. In: *February 1917 through the eyes of eyewitnesses*. Moscow: IRIS-press; 2017:24–41. (In Russ.)

Информация об авторе

А.Г. Данилов – докт. ист. наук, проф. кафедры теории и истории.

Information about the author

A.G. Danilov – Doctor of Historical Sciences, Professor of Department of Theory and History of Law and State.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 23.08.2021; одобрена после рецензирования 13.09.2021; принята к публикации 15.09.2021.

The article was submitted 23.08.2021; approved after reviewing 13.09.2021; accepted for publication 15.09.2021.